

АВСТРИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНОВ ЦИСЛЕЙТАНИИ. 1914–1917 ГГ.

А.Г. АЙРАПЕТОВ¹
В.В. МИРОНОВ²

¹⁾ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

e-mail: gamidro@mail.ru

²⁾ e-mail: miroнов.vladimir@hotmail.com

Рассмотрены содержание, формы и методы репрессивных мероприятий, осуществлявшихся военной юстицией в отношении гражданского населения Австрийской части империи Габсбургов. Показано, что юридически некорректные постановления трибуналов 1914–1918 гг. нередко обуславливались вмешательством в их компетенцию вышестоящих военных инстанций, которые требовали обеспечения «интересов армии». В статье применяется микроисторический инструментальный анализа.

Ключевые слова: военная юстиция, армейское командование, нарушение общественного порядка, оскорбление персоны императора и его фамилии, шпионаж, измена родине.

За последние десять лет произошел настоящий прорыв в отечественной историографии Первой мировой войны. Новому осмыслению подверглись устоявшиеся представления о причинах и характере первого глобального конфликта, расширилась сама тематика исследований¹.

В русле новых подходов к истории «Великой войны» произошла институционализация военно-исторической антропологии, поставившей в центр изучения психологию фронтовиков и различных категорий гражданского населения, вовлеченных в водоворот боевых действий (беженцы, перемещенные лица) или испытывавших в своей тыловой повседневной жизни воздействие военного фактора². Сюда же следует отнести влияние военно-юридических санкций в отношении гражданских лиц, усомнившихся в легитимности права государства на распоряжение их жизнями и возмущавшихся просчетами власти в различных сферах – от обеспечения населения продуктами до военных поражений. Трибуналы, в компетенции которых находилось рассмотрение уголовных и политических дел, превращались в важный инструмент поддержания внутривнутриполитической стабильности. Между тем приходится констатировать, что содержание, формы и методы осуществлявшихся военной юстицией репрессивных мероприятий пока еще не получили должного освещения в российской исторической и юридической науках³. В то же время в западноевропейской историографии последних лет уже накоплен определенный опыт исследования уголовно-правового инструментария, применявшегося в условиях Первой мировой войны⁴. В данной статье предпринята попытка рассмотрения военно-правовой проблематики на материале Австро-Венгрии.

¹ См.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX века. В 4-х книгах. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

² Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4; Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007.

³ См. в качестве первого опыта: Миронов В.В. Заложники распадающейся империи: мотивация дезертирства в австро-венгерской армии в 1917 – 1918 гг. // Человек и война в XX веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г. / Отв. ред. И.А. Белоконов. М., 2007.; он же. Нарушение субординации в австро-венгерской армии периода Первой мировой войны через призму судебно-следственных актов // Армия и общество в российской истории XVIII–XX вв.: сборник трудов международной заочной научной конференции. 18 января 2007 г. Тамбов, 2007.

⁴ Jahr C. Die Militärjustiz als Steuerungsinstrument soldatischen Verhaltens in den Weltkriegen 1914 bis 1918 und 1939 bis 1945 // Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / Hrsg. von Thoss B. Paderborn – Wien, 2002; Moll M. Burgfrieden oder stiller Bürgerkrieg? Die österreichische Militärjustiz im 1. Weltkrieg: Kärnten und Steiermark im Vergleich // Ad fontes. Europäisches Forum junger Rechtshistorikerinnen und Rechtshistoriker / Hrsg. von Feldner B. Frankfurt a/M., Wien, 2002; Oram, G. Pious Perjury: Discipline and Morale in the British Force in Italy, 1917–1918 // War in History 9. № 4. (2002); Überegger Oswald. Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. – Innsbruck, 2002. (Tirol im Ersten Weltkrieg. Band 3).

Динамика и интенсивность военно-судебного преследования зависели от ряда факторов: общего правового климата в стране, этапа войны, места совершения преступления, типа судопроизводства и убеждений военных судей.

Проекты «исключительных законов» разрабатывались военным министерством в сотрудничестве с генштабом и правительством начиная с 1906 г. Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. и Балканские войны 1912 – 1913 гг. стимулировали обновление правовой базы, назначением которой являлись «...не только сохранение в тайне и защита всех принимаемых в случае войны мер против шпионажа, нарушения общественного порядка и незаконного опубликования военных сведений в собственной стране, но и оказание поддержки всем действиям ведущей войну державы...»⁵.

«Законы о чрезвычайном положении» существенно расширяли внутривластные полномочия Верховного командования. Их вступление в силу влекло за собой подчинение гражданских лиц военной юрисдикции, согласно §14 военно-уголовного процессуального кодекса, на период проведения мобилизационных мероприятий⁶.

Между 25 июля и 1 августа 1914 г. были обнародованы императорские указы, временно приостанавливавшие действие основных гражданских прав в австрийской половине империи (свобода личности, прессы, собраний, неприкосновенность жилища, тайна переписки) и подчинявшие всех гражданских лиц Цислейтании военной юрисдикции при рассмотрении дел по обвинению в государственной измене, оскорблении персоны императора и членов его фамилии, нарушении общественного порядка, сопротивлении представителям власти при отправлении ими своих полномочий и в ряде других преступлений⁷. Судебное разбирательство основывалось на гражданском уголовном кодексе, но процессуальная сторона регламентировалась правовыми нормами военного судопроизводства, по времени более короткого⁸. Примечательно, что «Директива на случай войны» 1912 г. ограничивала сферу действия военной юрисдикции в отношении гражданских лиц только приграничными регионами Цислейтании (югославянские земли, Галиция, Буковина)⁹.

Распространение военной юрисдикции в июле 1914 г. на остальную территорию австрийской половины империи было осуществлено на основе 14-ой статьи конституции, наделявшей императора и кабинет министров правом издания законов в обход парламентской процедуры¹⁰. 25 июля 1914 г. вступил в силу принятый в 1912 г. «Закон о трудовой повинности в военное время», касавшийся всего работоспособного гражданского мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет. В первую очередь положения закона относились к оружейной, угольной отраслям промышленности, металлургии, а также к предприятиям, обслуживавшим прочие потребности армии (пошив униформы и т.д.). Персонал этих предприятий приравнивался к принявшим присягу ландштурмистам, подсудным военной юрисдикции¹¹.

Расширение правового поля военной юрисдикции происходило в условиях оформления авторитарного режима «военного абсолютизма»¹². В этом же контексте следует оценивать санкционированное кабинетом министров прекращение деятельности судов присяжных в Цислейтании. Высшим органом, надзирающим за соблюдением норм чрезвычайного законодательства, стал учрежденный при военном министерстве военно-контрольный комитет¹³.

Указанный комплекс мер вводился на один год, но, будучи пролонгированным, действовал до 8 июля 1917 г., когда созданный императором Карлом австрийский рейхсрат изъясил преступления, совершенные гражданскими лицами, из компетенции военной

---

⁵ Цит. по: Führ C. Das k.u.k. Armeeeoberkommando und die Innenpolitik in Österreich 1914-1917. Wien, 1968. (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie. Band 7). S. 17-18.

⁶ Ibid. S. 18.

⁷ Moll M. Kein Burgfrieden. Studien zum deutsch-slowenischen Nationalkonflikt in der Steiermark vor dem und im Ersten Weltkrieg. Graz, 2002. Univ. Habilitationsschrift. S.211–212.

⁸ Führ C. Op. cit. S.18.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Hautmann H. Prozesse gegen Defätisten, Kriegsgegner, Linksradikale und streikende Arbeiter im Ersten Weltkrieg // Sozialistenprozesse. Politische Justiz in Österreich 1870–1936 / (Hrsg.) Karl R. Stadler. Wien–München–Zürich, 1986. S.157.

¹¹ Ibid. S.157–158.

¹² См.: Spann G. Das Zensursystem des Kriegsabsolutismus in Österreich während des Ersten Weltkrieges 1914 - 1918 // Justiz und Zeitgeschichte VIII. Symposium. Zensur in Österreich 1780 bis 1989 am 24. und 25. Oktober 1989 / Hrsg. von Erika Weinzierl, Rudolf G. Ardelt. Wien, 1991.

¹³ Führ C. Op. cit. S.19.

юстиции. Видный теоретик австрийской социал-демократии Отто Бауэр писал по этому поводу, что « [парламентское] большинство, составленное из социал-демократов и представителей славянских национальностей,...вырвало из рук милитаризма его наиболее мощное оружие»¹⁴.

В австрийской историографии 1970–1980-х гг. получила распространение концепция линцского исследователя Г. Гаутманна, объясняющая перевод правосудия на военные рельсы в Цислейтании согласованным гражданской и военной администрациями планом установления диктатуры. В основе концепции Г. Гаутманна лежит географическая и временная дифференциация использования военно-правового инструментария. Автор ранжирует провинции Цислейтании по масштабам репрессий, осуществлявшихся на их территории военно-судебными органами. Констатируя, что собственно австрийская этническая территория, население которой сохранило лояльность, в целом мало пострадала от деятельности военной юстиции, Г. Гаутманн подчеркивает тот факт, что беспощадность военного правосудия проявилась в полной мере в тех регионах, которые совпадали с «зоной действующей армии» (Галиция, Буковина, Босния-Герцеговина, Далмация). Историк из Линца обращает внимание и на то обстоятельство, что большинство процессов над гражданскими лицами по обвинению в измене приходится на осень 1914 – весну 1915 гг., в то время как с весны 1917 г. наблюдалось ощутимое смягчение военно-судебных репрессий¹⁵.

Новая генерация австрийских историков, не ставя под сомнение состоятельность концепции Г. Гаутманна, все же внесла в нее ряд дополнений. Исследователь из Граца М. Молль, проанализировавший репрессии военной юстиции в отношении словенского национального меньшинства в Штирии в начальный период войны, указывает, что отношения военных кругов и правительства характеризовались временно обострившимся конфликтом из-за полномочий. Автор особо останавливается на вопросе об обосновании чрезвычайных мероприятий кабинетом К. Штюргка, изложенном в официальной «*Wiener Korrespondenz – Bureau*». Ссылаясь на военную необходимость, правительство стремилось убедить население в том, что приняты все меры во внутриполитической сфере для успешного ведения войны. М. Молль приводит не учтенные Г. Гаутманном аргументы, доказывая, что целью правительства являлось не только преодоление обусловленных войной трудностей, а – главное – долгосрочное исключение парламента из политической жизни и отмена основных гражданских свобод, гарантированных конституцией 1867 г. Отстранение рейхсрата и ландтагов от законодательной деятельности, санкционированное кабинетом К. Штюргка 26 июля 1914 г., по своей форме являлось закрытием их сессий, а не принудительным роспуском, что неминуемо повлекло бы за собой новые парламентские выборы, которых власти стремились избежать. С завершением сессии прекращал свое действие депутатский иммунитет, что позволяло при необходимости привлечь парламентариев к уголовной ответственности. Исследователь из Граца находит совершенно удивительным и объяснимым только отвлечением внимания всех слоев населения надвигавшейся военной грозой тот факт, что переход к беспарламентскому правлению был безучастно принят к сведению всеми, за исключением социал-демократов, и даже приветствовался отдельными депутатскими группами. В венгерской половине империи, где парламент работал без перерыва, «военный абсолютизм» носил более мягкий характер, поэтому принятые кабинетом К. Штюргка мероприятия сложно объяснить одной лишь военной необходимостью. Конкретные действия правительства, обоснованно или необоснованно сомневавшегося в лояльности отдельных народов империи, не могут быть интерпретированы в этом ключе. Хитроумная система «военного абсолютизма» ударила по считавшемуся политически благонадежным немецкому населению не менее, по крайней мере теоретически, чем по всем остальным этническим группам. Так, передача уголовных дел, связанных с совершением политических преступлений, в компетенцию военного правосудия отражала сомнения «верхов» в лояльности гражданских прокуроров и судей немецкой национальности¹⁶.

Императорским рескриптом от 31 июля 1914 г. Верховное командование со ссылкой на необходимость обеспечения военных интересов в прифронтовых провинциях (Га-

¹⁴ Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М. - Л., 1925. С.56.

¹⁵ Hautmann H. Kriegsgesetze und Militärjustiz in der österreichischen Reichshälfte 1914-1918 // Justiz und Zeitgeschichte. Symposionsbeiträge 1976-1993 / Hrsg. von Erika Weinzierl, Oliver Ratkolb, Rudolf G.Ardelt, Siegfried Mattl. Wien, 1995. Bd. 1. S.77 -78.

¹⁶ Moll M. Kein Burgfrieden... S.214-217.

лиция, Буковина, Далмация и северо-восточная часть Моравии) было наделено полномочиями гражданского управления¹⁷. Указанные территории составили «зону действующей армии» («Bereich der Armee im Felde»), где действовали законы военного времени («Standrecht»). Военно-контрольный комитет издал 27 августа 1914 г. распоряжение, предписывавшее скорейшее принятие самых решительных мер военными трибуналами: «...Следует, как только возможно, ускорить судопроизводство и позаботиться о безотлагательном исполнении вынесенных приговоров и их оглашении общественности»¹⁸.

Печальную славу снискало оговоренное в этом же документе «право военной самообороны» («Kriegsnotwehrrecht»), предоставлявшее судебные полномочия командному составу действующей армии и полевой жандармерии. Казни враждебно настроенного местного населения могли производиться командирами по собственному усмотрению и без приговора трибунала¹⁹. Забегая вперед, отметим, что отсутствие какого-либо учета жертв «права военной самообороны» затрудняет установление истинных масштабов репрессий в прифронтовых провинциях. Лишь в 1917 г. император Карл наложил запрет на внесудебные казни гражданского населения в отвоеванных областях Галиции и Буковины²⁰.

Созданная австрийским парламентом после крушения Габсбургской монархии в 1918 г. комиссия по расследованию должностных преступлений офицерского корпуса зафиксировала вопиющие случаи нарушения законодательства военной элитой, допущенного в отношении гражданских лиц. Обратимся к делу крестьянина И. Греко, поскольку в нем отразился конфликт из-за полномочий между судебским корпусом и командованием воинских частей. 5 августа 1914 г. двадцатилетний И. Греко был принят на работу на мельницу, принадлежавшую А. Тунису (деревня Липица, Тарнополь). После объявления всеобщей мобилизации он отправился в свою родную общину Войнилов справиться о том, не призван ли он на военную службу. На свою беду ученик мельника владел цирковым трюком: он брал в рот керосин и, поднося зажженную спичку, извергал из себя столп огня. Вечером 8 августа Греко показывал свое искусство группе крестьян на фоне белой стены мельницы, периодически освещавшейся пламенем. Стена была обращена на север, в сторону русского противника. Не вняв советам сельчан, предупреждавших Греко о близком расположении австро-венгерских войск, он продолжил свое выступление. Со стороны казалось, что кто-то подает сигнал. Передовые посты австрийцев засекли его с расстояния двух километров, направив к подозрительному месту патруль. Не подозревая о намерениях военных, Греко, продемонстрировал и им свое мастерство. Командовавший патрулем вахмистр решил, что Греко выдал позиции австрийцев русским с помощью азбуки Морзе. Ученик мельника был арестован и предстал перед военным трибуналом 11-ой пехотной дивизии. Судебное разбирательство по подозрению в шпионаже проводилось 14 августа по законам военного времени. Незадачливому фокуснику грозила смертная казнь. Но согласно 441-ой статье военно-уголовного процессуального кодекса для разбирательства по законам военного времени отводился трехдневный срок, соблюсти который не удалось. Поэтому дальнейшее расследование дела Греко могло вестись лишь в рамках обычного военного судопроизводства. Командующий 11-ой пехотной дивизией фельдмаршал-лейтенант А. Покорны пришел в ярость, порвав протокол с результатами расследования, представленный капитаном-аудитором С. Тысовским. Мотивируя свои действия защитой интересов армии на войне, военачальник потребовал от подчиненного ему судьи проведения в течение дня нового разбирательства по законам военного времени. На возражения капитана – аудитора, что подобный приказ идет вразрез с военным уголовно-процессуальным кодексом и его исполнение противоречит данной аудитором клятве, Покорны разразился угрозами привлечь Тысовского к уголовной ответственности за неподчинение. Повторно заседавший военно-полевой суд приговорил Греко к 10 годам заключения. Уже на следующий день Тысовский направил подробный доклад в военное министерство, попросив отстранить его от должности судьи и начать против него уголовное разбирательство. Ознакомившись с содержанием доклада, Покорны сопроводил его сво-

¹⁷ Führ C. Op. cit. S.21.

¹⁸ Цит. по: Rasche Justiz, Kriegsnotwehrrecht // Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von Schager Albin und Kadečka Ludwig. Wien, 1916. S.163-164.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Verbot der Justifizierungen nach Kriegsnotwehrrecht // Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von Schager Albin und Kadečka Ludwig. Wien, 1918. Nachtrag III. S.228.

им документом, из которого следовало, что повторный суд был обоснован необходимостью образцово сурового наказания в назидание остальным местным жителям. Одновременно Покорны направил командованию 2-ой запасной армии доклад, датировав его 15 августа. В нем он обвинил Тысовского в недостатке энергии и потребовал его смещения. 8 октября 1914 г. неправомочный приговор был отменен Верховным военным трибуналом, постановившим произвести разбирательство в обычном судопроизводстве²¹.

Приведенный материал свидетельствует о том, что юридически некорректные постановления трибуналов нередко обуславливались вмешательством в их компетенцию вышестоящих военных инстанций, требовавших обеспечения «интересов армии». Подобная практика в целом соответствовала духу времени. Вряд ли следовало ожидать от армейских институтов, перенявших полномочия гражданского управления, обходительного обращения с попавшими в их руки гражданскими лицами. Логика войны, автоматически переносившаяся на прифронтовую полосу, требовала человеческих жертвоприношений. Галиция, Буковина и оккупированная часть Сербии погрузились в «средневековье». Улицы городов и сел «украшали» спешно построенные виселицы²². Вместе с тем сложно обвинять в массовых репрессиях одну лишь военную юстицию. Их следует скорее инкриминировать командованию воинских частей, действовавшему на скорую руку и чаще всего несведущему в правовой области. Нельзя сказать, что приступы шпиономании, преследовавшие австрийцев в Галиции и Буковине, особо сказывались на постановлениях военно-судебных органов. Достоверно известно лишь о двух смертных приговорах, вынесенных 28 сентября 1914 г. православному священнику и его сыну в Ной-Сандезе (Галиция) по обвинению в государственной измене²³. Приведя только этот факт, Г. Гаутманн обосновывает свой вывод о «тенденциозной юстиции», бездоказательно обрекшей на смерть двух человек, вся вина которых состояла в русофильских настроениях²⁴. Можно ли согласиться с выводами авторитетного исследователя? Наши собственные архивные изыскания свидетельствуют скорее об обратном. Схема Гаутманна, согласно которой пик репрессий пришелся на осень 1914 – весну 1915 гг., иллюстрирует скорее их количественную сторону, не вдаваясь подробно в содержание уголовных дел. Большинство этих дел были прекращены на стадии предварительного следствия или переданы гражданским судам. Обратимся к конкретным, документально зафиксированным фактам, отражающим практику военного правосудия. Весной 1915 г. группа русинских крестьян в районе Коломеа (Галиция) повредила маскировку австрийских окопов и похитила принадлежавшие военно-строительному отделу кольца. Согласно обвинению, крестьяне стремились «нанести ущерб австро-венгерской военной мощи и принести пользу врагу». Из свидетельских показаний жандармского вахмистра И. Броцко следует, что крестьянин С. Скварчинский ненамеренно переехал своей повозкой окопы, не совершив уголовно-наказуемого деяния. Кража же колеьев, по заключению военного коменданта Коломеа, не могла рассматриваться как преследуемый в военно-уголовном порядке деликт: «Обвиняемые не русофилы, а бедные и тихие граждане, похитившие кольца без умысла нанести ущерб австрийской армии и сделавшие это по незнанию». Дело было передано в гражданскую прокуратуру Коломеа²⁵.

Следуя логике Гаутманна, русинских крестьян ожидал бы расстрел на месте, но вместо этого было начато расследование, результаты которого разрушают легенду о якобы изначально присущем аппарату военной юстиции предубеждению в отношении русинского населения, огульно обвинявшегося в сотрудничестве с русской армией. На деле, су-

---

²¹ Doppelbauer W. Zum Elend noch die Schande. Das altösterreichische Offizierskorps in der jungen Republik Österreich. (Militär-geschichtliche Dissertationen österreichischer Universitäten. Band 9). Wien, 1987. S.163-168.

²² Friedrich E. Krieg dem Kriege. Berlin, 1924-1926. 2. Aufl. Bd.1. S.132-135. Помещенный здесь фотоматериал уличает австро-венгерскую армию в организации массовых казней гражданского населения в районах боевых действий. Среди новейших исследований, затрагивающих проблему военных преступлений австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны, следует выделить две работы: Wachtler M, Oberegs G. Krieg in den Bergen. Dolomiten. Bozen, 2003; Wachtler M. Menschen im Krieg. Der Erste Weltkrieg in den Bergen. Bozen, 2005.

²³ Platzer K. Standrechtliche Todesurteile im Ersten Weltkrieg. Graz, 2004. S.72.

²⁴ Hautmann H. Prozesse gegen Defätisten, Kriegsgegner, Linksradikale und streikende Arbeiter im Ersten Weltkrieg // Sozialistenprozesse. Politische Justiz in Österreich 1870 – 1936 / Hrsg. von Karl R. Stadler. Wien-München-Zürich, 1986. S.163-164.

²⁵ Österreichisches Staatsarchiv (Wien) (далее – ÖStA) – Kriegsarchiv (далее – KA) – Militärgerichtsarchiv (далее – MGA), Feldkriegsgericht Lemberg, Karton 4685/15, Strafact K 249/15.

дебные разбирательства, квалифицируемые австрийским исследователем как поспешно проведенные процессы над «русофилами», могли продолжаться по нескольку лет и не обязательно завершаться вынесением смертного приговора. Так, трибунал Лемберга смог вынести вердикт (4 и 3 года лишения свободы) строительному подрядчику Л. Родзену и частному служащему И. Громадзки по обвинению в совершении преступления против «военной мощи государства» 14 февраля 1917 г., спустя два года после начала расследования²⁶. Арестованному 1 октября 1915 г. в расположении 51-го полка 35-й пехотной дивизии Василию Усако было предъявлено обвинение в шпионаже, хотя тот искал офицера, намереваясь сообщить ему о промышлявшем вблизи воинской части шпионе. За недостатком доказательств обвиняемый был выслан во внутренние провинции Австрии с клеймом «политически неблагонадежного»²⁷. Вместе с тем нельзя игнорировать данные статистики о том, что преступления против «военной мощи государства», нередко не доказанные, лидируют в структуре смертных приговоров, составляя 23,9 % (351 человек)²⁸.

В уголовном преследовании других деликтов, подпадавших в сферу действия императорских указов от 25 июля – 1 августа 1914 г., военная юстиция в «зоне действующей армии» демонстрировала некоторую избирательность. Главное внимание обращалось на пресечение оскорблений персоны императора и членов его фамилии, государственной измены, нарушений общественного порядка²⁹. В структуре смертных приговоров, вынесенных в 1914 – 1918 гг., деликты «государственная измена» (88 казненных, или 6 %) и «нарушение общественного порядка» (51 казненный, или 3,5 %) не столь многочисленны, чтобы вести речь о массовых «юридических преступлениях» австро-венгерской армии на собственной и оккупированной территориях³⁰. Разумеется, случались совершенно необъяснимые казусы, бросавшие тень на военное правосудие в целом. Так, в разоблачительной статье главного редактора «Arbeiter-Zeitung» Ф. Аустерлица, опубликованной 5 июля 1917 г., сообщалось о судьбе видного члена Словенской клерикальной партии Ф. Графенауэра, отбывшего 13-месячное тюремное заключение по обвинению в нарушении общественного порядка, прежде чем узник смог воспользоваться объявленной в 1917 г. императорской амнистией. Первым пунктом обвинения значились произнесенные им в трактире Й. Ледерича (Делах, Каринтия) слова «Россия – великая держава и имеет больше зерна», которые военный трибунал при командовании 10-й армии в Клагенфурте (Каринтия) интерпретировал как пожелание победы России в войне. Второй пункт был составлен на основании разговора обвиняемого с некой М. Пипп, намеревавшейся заказать заупокойную мессу по своему погибшему брату. Ф. Графенауэр попытался убедить убитую горем женщину в том, что ее брат не погиб, а перебежал к противнику. В качестве третьего пункта обвинения фигурировало нарушение распоряжения командования юго-западного (итальянского) фронта от 12 ноября 1915 г., запрещавшего контакты между гражданским населением и военнопленными. Ведя беседу на кухне трактира, обвиняемый в присутствии многочисленных свидетелей не нашел ничего предосудительного в том, что молодая девушка поддерживает отношения с русским военнопленным. 26 мая 1916 г. по совокупности предъявленных обвинений трибунал приговорил Ф. Графенауэра к пяти годам лишения свободы. Проведенное Ф. Аустерлицем журналистское расследование установило новые обстоятельства дела, достойные пера Я. Гашека. Главным доказательством на процессе служило то, что Ф. Графенауэр уже представлял перед судом по обвинению в государственной измене, но случилось это в ...1888 г. Насмехаясь над военной судебной машиной, Ф. Аустерлиц подводит итог расследованию обстоятельств деликта: «Пьяный отпустил по адресу официантки трактира глупую шутку; теперь он должен быть брошен в тюрьму на пять лет»³¹.

²⁶ Ibid. Strafakt K 675/15.

²⁷ Ibid. Feldkriegsgericht der 6. AK, (Quartiermeisterabteilung), Karton 640/16, Strafakt 127/G 16, Vasil Usako.

²⁸ Platzer K. Op. cit. – Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozentsen. S.75.

²⁹ Научный архив Института Российской истории РАН. Ф.18. Разд. «Ж». Д.139. Л.210 – 211. Подготовленный военным прокурором Праги отчет о количестве заведенных уголовных дел (июль 1914 – июнь 1915 гг.) включал четыре раздела: оскорбление персоны императора, оскорбление членов императорской фамилии, нарушение общественного порядка и государственную измену.

³⁰ Platzer K. Op. cit. – Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozentsen. S.75.

³¹ Das Gespräch in der Küche // Austerlitz Friedrich. Austerlitz spricht. Ausgewählte Aufsätze und Reden. Im Auftrag der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Deutsch-Österreichs / Hrsg. von J. Brauntal. Wien, 1931. S.123-130.

Симптоматично, что автор газетной статьи стремился сформировать в общественном мнении негативный образ военной юстиции накануне судьбоносного заседания рейхсрата 8 июля 1917 г., подведшего черту под почти трехлетней практикой применения военно-уголовных норм в отношении гражданских лиц, совершивших политические преступления. В северо-восточной Моравии, прилежавшей к линии фронта, в декабре 1914 г. нарушение общественного порядка стоило жизни двум подмастерьям, обвиненным в оскорблении персоны императора и верховной государственной власти. Примечательно, что, хотя законы военного времени еще не действовали в том округе, где заседал военно-полевой суд, министерство юстиции подтвердило правовую безукоризненность процесса³².

Австрийское военное правосудие практически сразу после Сараевского покушения 28 июня 1914 г. столкнулось с лавинообразным ростом оскорблений персоны императора. Источники передают противоречивую гамму милитаристских и антивоенных настроений, корректирующую якобы типичную для августа 1914 г. картину военного воодушевления. Отклики различных слоев общества на расклеенное повсеместно обращение Франца-Иосифа «К моим народам» свидетельствовали о десакрализации института монархии. К. Платцер констатирует, что оскорбление персоны императора чаще всего исходило от представителей низших слоев и мотивировалось ими крайней нуждой³³. Ответная реакция аппарата военной юстиции, призванного блюсти государственные интересы, относительно редко (26 случаев) характеризовалась применением смертной казни³⁴.

В числе обвиняемых часто значились женщины, повышенная эмоциональность которых нередко толкала их на необдуманные поступки. Так, П. Свициска, мать четырех детей, не владевшая имуществом, в декабре 1914 г. в Дядковице разразилась бранью по адресу императора: «Я плюю в лицо нашего императора, такой старый шваб не должен жить, он не выйдет из этой войны с победой». Спустя год военный трибунал ландвера в Станиславе приговорил обвиняемую к двум годам лишения свободы, сочтя смягчающим обстоятельством недостаток воспитания у подсудимой³⁵.

Исследование действий австрийской военной юстиции в отношении гражданского населения в 1914 – 1918 гг. показывает, что, во-первых, некорректно отождествлять осуществление судебных полномочий командованием воинских частей с действиями собственно военной юстиции. Именно этот недостаток свойственен некоторым современным историкам, необоснованно возлагающим на австрийское военное правосудие ответственность за массовые репрессии³⁶.

Во-вторых, было бы явной идеализацией представлять себе деятельность военных трибуналов как работу механизма, функционирующего без каких-либо сбоев. Ведь и в вердиктах гражданского правосудия того времени мы обнаружили бы немало судебных ошибок. Оказавшись в роли последнего оплота государства, далеко не все военные судьи приняли предложенные им «правила игры», постоянно соотнося их с действовавшим законодательством и со своей совестью. Осознавая, что масштабное применение военно-юридических норм способствует формированию враждебно настроенного общественного мнения, судьи были, однако, бессильны перед военной администрацией, решавшей многие правовые вопросы по своему усмотрению.

THE AUSTRIAN MILITARY JUSTICE AND CIVIL FRONT-LINE POPULATION OF CISLEYTANYA. 1914-1917.

A.G. AYRAPETOV¹⁾
V.V. MIRONOV²⁾

¹⁾ *Tambov state university
named after G.R. Derzhavin,*

e-mail: gamidro@mail.ru

²⁾ *e-mail: mironov.vladimir@hotmail.com*

The Considered contents, the forms and methods of repressive actions, realized by military justice among civil population in the Austrian part of Gabsburg empire. It is shown that legally incorrect tribunal resolutions (1914-1918) were quite often conditioned by higher military locations' interference in their competency, which required the providing the «army interest». Micro-historical toolbox of the analysis is used in article.

Key words: military justice, army command, breach of the public order, insult of the emperor and his surnames persona, espionage, treason to native land.

³² Muhri Georg A. Das Standrecht in Österreich im 19. Jahrhundert bis 1938. Graz, 1998. Univ. diss. S.139.

³³ Platzer K. Op. cit. S.77.

³⁴ Ibid. Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozentsen. S.75.

³⁵ ÖStA – KA – MGA, Feldkriegsgericht Lemberg, Karton 4685/15, Strafact K 249/15, Pauline Swiecicka.

³⁶ Wachtler M, Oberegs G. Op. Cit.; Wachtler M. Op. cit.